

Часть 1

Глава 1 Падение

Ангкор, конец сезона муссонов, 1177 год

Храм Ангкор-Ват был задуман как жилище для индуистских богов, но казалось, что его эти боги и возвели. На вершине массивного, устроенного террасами храма были установлены пять башен в форме бутонов лотоса, центральная и самая высокая из которых устремлялась ввысь на двести футов. Эти башни символизировали собой пики горы Мэру — центра Вселенной в индуизме, где обитают все боги и берет начало жизнь. Широкий ров, окружавший Ангкор-Ват, был прообразом космического океана, а стены около этого рва должны были напоминать индуистам горные хребты, расположенные по дальним краям земли.

Храм Ангкор-Ват, посвященный богу Вишну, трудно было представить себе еще более грандиозным. Каждая башня, выстроенная ярусами, у основания была шириной с крону большого дерева и заострялась на самом верху. Все башни располагались на самой верхней из трех прямоугольных террас, сооруженных одна над другой. Башни эти было видно за много миль, однако они были не единственным, что поражало воображение тех, кто посещал Ангкор-Ват. Громадные проходы храма были богато украшены искусной резьбой с изображениями величественных

богов Вишну и Шивы, а также короля, приказавшего построить этот храм, и простых кхмеров. Многие из этих барельефов были раскрашены, а некоторые позолочены.

Хотя принц Джаявар был буддистом, при виде Ангкор-Вата сердце его наполнялось гордостью. Ему было пятьдесят, и строительство этого храма проходило у него на глазах. Многие картинки и звуки из его ранних воспоминаний были связаны с обработкой блоков песчаника и перевозкой их на повозках к месту строительства. Теперь же он стоял на мощеной дороге, ведущей к главному входу в храмовый комплекс, и следил за тем, как индуистские священники метут каменные плиты метлами, связанными из тростника.

Джаявар бросил взгляд на свою старшую жену, Аджадеви, которая стояла рядом с ним. Волосы ее были зачесаны назад и собраны в узел на макушке — как и у большинства кхмерских женщин и мужчин. Как и все остальные, она была обнажена до пояса. Юбку, доходившую до середины голени, украшал цветочный орнамент — белые ирисы на синем фоне. Ее пальцы, руки и лодыжки были унизаны золотыми кольцами и браслетами. На шее была гирлянда из цветов жасмина, свисавшая между ее пышными грудями и наполнявшая воздух тонким ароматом. Подошвы ее ног и ладони были окрашены красной краской. Как и все кхмеры, она была босой.

Аджадеви была моложе Джаявара всего на десять лет, но сохранила моложавый вид. Ее кожа цвета тикового дерева была гладкой, почти без морщин. Взгляд больших темных глаз остался острым и живым. Ее угловатое гордое лицо напоминало Джаявару нос лодки. Как и большинство кхмерских женщин, Аджадеви была худощавой — результат употребления в пищу риса, фруктов, овощей и рыбы.

Муж и жена прислонились к каменной ограде, тянувшейся вдоль вымощенной песчаником дороги. Ограда, вырезанная в форме *нага* — семиголового змея, считавшегося у индуистов божеством океана и гор, была закруглена сверху.

Джаявар и Аджадеви пока не знали, что им предстоит спастись бегством еще до того, как закончится это утро.

— Твой отец слабеет, — сказала Аджадеви, поднося жасминовую гирлянду к лицу, чтобы вдохнуть ее аромат. — Никто не смеет говорить об этом, но каждый это видит.

Джаявар рассеянно кивнул, продолжая наблюдать за священнослужителями. Мимо них четверо рабов несли в паланкине на позолоченных шестах какого-то высокопоставленного чиновника.

— У них что, силы нет, чтобы идти своими ногами? — тихо заметил он, положив ладонь на рукоятку сабли в ножнах, висевшей на поясе.

Он был одет так же, как и его жена, хотя его набедренная повязка доходила ему только до середины бедер. На округлом и привлекательном лице в первую очередь притягивали внимание полные губы и широкий нос. Мягкие черты его лица резко контрастировали с его телом — очень мускулистым и покрытым многочисленными шрамами. В волосах, также собранных в узел на макушке, уже проглядывала седина.

— Простой ночью мне приснился сон, — сказала Аджадеви.

— Какой еще сон?

— Река стала красной. А красный цвет — это цвет рождения и смерти.

Джаявар оторвал взгляд от Ангкор-Вата и посмотрел на северо-восток, в сторону земель их исконных врагов, чамов.

— У отца все еще достаточно сил, — ответил он. — Он всегда отличался здоровым умом и крепким телом.

— «Всегда» — это очень высокомерное, неправильное слово.

— Но ведь ничто не предвещает войну. Наши лазутчики молчат, как каменные изваяния. Да и армия наготове.

— Ты должен позаботиться о том, чтобы мы подготовились еще лучше. Мои видения говорят мне, что мы здесь не одни. Если река становится красной, это может означать только то, что на нас обрушится война, как это бывало уже много раз. Мы не хотим ее, но она подобна ветру, которому нет дела до того, чего мы хотим, а чего — нет.

Он подумал о своем отце, который теперь редко выходил из королевского дворца. Затем мысли Джаявара обратились

к его армии. Многие из его людей помогали набирать ополченцев в окрестных деревнях, поскольку принесенные муссонами дожди были сильнее обычного, и это повышало опасность наводнений.

— Что еще говорят тебе твои видения?

— Что ты любишь меня.

— Для этого тебе не нужны никакие видения — ты это и так прекрасно знаешь.

— Это верно, — сказала она и закрыла глаза.

Он подумал: «Уж не молится ли она?» Хотя большинство кхмеров были индуистами, она исповедовала буддизм Махаяны, причем он не знал более набожного человека, чем она, и во всем она видела знаки. Пока он смотрел на нее, где-то вдалеке протрубил слон. По мощи и глубине этого звука Джаявар понял, что это боевой слон, а не рабочий, — так трубить могут только самые крупные слоны. Значит, сейчас его люди совершенствуются в военном искусстве.

Он заговорил, только когда она открыла глаза:

— Я бы предпочел заботиться о нашем народе, а не воевать.

— И как бы ты мог заботиться о нем?

— Строил бы лечебницы. Дороги. Постоялые дворы для путешественников. Наш город слишком разросся, и потребности нашего народа многочисленны.

По мощеной дороге шел павлин, раскачивая распушенным хвостом, который переливался яркими красками. Аждадеви внимательно смотрела на птицу, пытаясь понять, что знаменует ее появление.

— Твоя сабля тяжела, я это знаю. Ты устал носить ее, а руки твои с возрастом ослабели и как бы обвисли, так со временем происходит с ветками деревьев. Но еще рано отдыхать, Джаявар. Сделай то, что должен был сделать твой отец, — разбей неприятеля. А потом будешь строить лечебницы и дороги. Потом будешь заботиться о своем народе.

Джаявар отвернулся и вновь посмотрел на северо-восток. Там, за бесчисленными городскими домами и великолепным королевским дворцом протянулось невидимое отсюда поле, где тре-

нировались его воины. Принц представил себе, как работают его люди, как наконецники копий бьют в подставленные щиты.

— Мы должны использовать свою силу в борьбе с голодом, с проказой. Такую силу жаль растрачивать на чамов.

— Ты не сам выбираешь путь, по которому тебе идти.

— А что, если мы сбежим? Уйдем отсюда — только ты и я?

— Ты не доверишь судьбу нашего народа кому-то другому.

Как не сможешь сбежать от своих жен и детей.

— Это верно. Своих детей я никогда не смог бы покинуть. Но я хочу, чтобы со мной была ты. Это и должно стать моей судьбой.

Она протянула к нему руку и стала гладить пальцами его грубые, мозолистые ладони.

— Расскажи мне, что ты станешь делать этими своими руками, таким замечательным инструментом.

— Они будут прославлять твою мягкость, холмы и долины, составляющие мир, имя которому — ты.

— Я покажу тебе этот мир, — сказала она. — Найди меня сегодня ночью, когда луна окажется в зените.

Он улыбнулся в ответ и, попрощавшись с ней, направился к ожидавшим его трем военачальникам — туда, где он должен был находиться, но не где ему хотелось быть.

* * *

В десяти милях ниже по течению двигалась вперед другая армия. Это войско передвигалось не на слонах и лошадях, а на больших плоскодонных лодках по вспучившейся и разлившейся реке Тонлесап, которая в сезон дождей изменила обычное направление своего течения и теперь несла свои воды от моря в сторону Ангкора. Лодки, прочные и длинные, управлялись с помощью примитивных рулей и вручную несколькими шестами, которыми можно было отталкиваться от дна. На каждом таком судне находилось от пятидесяти до ста воинов-чамов, на которых были стеганные доспехи с короткими рукавами, и у каждого имелся щит, сделанный из дерева, металла и кожи. Шлемов на чамах не было. Вместо этого на них были зеленые